

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.4)
EDN [BDSNHJ](https://edn.bdsnhj.ru)
УДК 316.3

М. М. Русакова¹, С. Ткач¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия

ЕСТЬ ЛИ В РОССИИ ТРЕТЬЕ ПОТЕРЯННОЕ ПОКОЛЕНИЕ?

Аннотация. В недавней истории России принято выделять два «потерянных поколения» — молодость которых пришлась на рубеж 1960–1970-х и на 1980-е годы XX века. Ряд современных исследователей выдвигают гипотезы о возможном формировании нового, третьего потерянного поколения. В числе оснований для таких предположений — рост отчуждения в условиях цифрового общества, трансформация ценностей и трудности социальной самореализации. Для проверки обозначенной гипотезы авторы провели эмпирическое исследование в количественной парадигме: в июле–сентябре 2022 года был осуществлён репрезентативный телефонный опрос жителей России (N=2500). Для анализа были отобраны анкеты респондентов в возрасте от 18 до 35 лет (n=840). Результаты кластерного анализа выявили три устойчивые группы молодёжи. Первый кластер (56,9% респондентов) характеризуется оптимистичной оценкой современных условий как наиболее благоприятных для самореализации; его представители оценивают молодёжь как трудолюбивую, стремящуюся к знаниям и высоким идеалам, а проблемы в окружении встречаются, по их оценкам, редко. Второй кластер (29,4% респондентов), напротив, испытывает отчуждение от современного ему общества: молодёжь воспринимается как безынициативная и безыдейная, а окружение респондентов, по их мнению, сталкивается с широким спектром трудностей, прежде всего связанных с жильём и материальным благополучием. Третий кластер (13,7% респондентов) полагает, что современное общество предоставляет молодёжи наилучшие возможности для развития, однако считает, что молодёжь не стремится ими воспользоваться, проявляя абсентеизм. Сравнительно небольшой объем второго кластера не позволяет говорить о становлении нового потерянного поколения. Полученные результаты вносят вклад в существующую академическую дискуссию о возможных причинах радикализации молодёжи, а также о распространённости феномена выученной беспомощности.

Ключевые слова: молодёжь, жизненный мир, саморегуляция, жизненные неудачи, жизненные стратегии, потерянное поколение, отчуждение

Для цитирования: Русакова М. М., Ткач С. Есть ли в России третье потерянное поколение? // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 3. С. 56–71. DOI [10.19181/nko.2025.31.3.4](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.3.4). EDN [BDSNHJ](https://edn.bdsnhj.ru).

Введение. Молодость — период, который значительно влияет на итог жизненного пути человека и даже, как пишут некоторые авторы, предопределяет его. Г. Элдер детерминирующую роль молодости объясняет тем, что на неё приходится практически все трансформирующие жизнь человека события: получение образования, выбор профессии, сепарирование от родительской семьи, приобретение собственного жилья, заключение брака, рождение детей [1]. Решения, которые принимаются молодёжью, выражают одновременно и личные устремления по поиску себя, и устоявшиеся ожидания, созданные многими поколениями молодёжи до них. Это определяет ориентир уровня жизни, необходимых достижений, получаемых званий — от поддержания семейной традиции выбора профессии [2] до обеспечения себя жильём и благами определённого

качества и объёма. В научной и экспертной литературе упоминаются опасения, что нынешнее поколение ввиду экономических трудностей, с которыми оно сталкивается сегодня, может оказаться первым за долгие десятилетия, которое не сможет преодолеть и даже достигнуть уровень жизни предыдущих [3]¹. Вторым ориентиром выступает соотнесение собственного успеха со сверстниками. Е. Труфанова пишет, что сегодня такое сопоставление может быть фрустрирующим для молодёжи из-за искажений, накладываемых на него цифровым обществом [4]. Социальные сети представляют достижения окружающих в более выгодном свете, а парасоциальные отношения, характерные для современной молодёжи, заставляют ориентироваться на наиболее успешных и знаменитых людей в той же мере, в какой молодёжь ориентируется на своих знакомых и друзей [5]. Как пишут Ю. Зубок и А. Любутов: «...организующая и направляющая сила разделяемых молодёжью жизненных смыслов и ценностей задавала вектор и формы саморегуляции» [6, с. 341]. В условиях динамических изменений современного российского общества, трансформации ведущих ценностей [7] и ухода от устоявшихся моделей построения жизненного пути молодёжь сталкивается с необходимостью поиска новых приемлемых моделей жизни и, что особенно важно в условиях неопределённости, все чаще с поиском стратегий объяснения собственных возможных неудач. Молодёжь чаще отказывается от полагаемого прежде более престижного высшего образования [8]², чаще оказывается в числе прекариата [9], чаще сдаётся на пути к профессиональному успеху³.

Потерянное поколение: сущность и понятие. Стратегии объяснения собственных неудач варьируют и нередко сводятся к обращению к личному невезению, персональным ошибкам и просчётам. Однако в ситуациях социальных кризисов и трансформаций молодёжь может обращаться к пониманию себя как части большой массы «потерянного поколения». Так, по результатам проведённого опроса Л. Ждановой и Ш. Ван, при описании потерянного поколения респонденты в возрасте от 16 до 23 лет (опрос проводился в 2023 г.) чаще всего к нему относили именно себя. При этом респонденты преимущественно не связывали это понятие с конкретными историческими событиями, а апеллировали к чертам современников, акцентируя лишь свойства «неприкаянности и отчуждённости от общества» [10, с. 2].

Изначально понятие «потерянное поколение» было введено Г. Стайн и популяризовано Э. Хемингуэем применительно к молодым фронтовикам, вернувшимся после Первой мировой войны и оказавшимися неспособными адаптироваться к

¹ Luhby T. Many millennials are worse off than their parents – a first in American history // CNN. 11.01.2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/01/11/politics/millennials-income-stalled-upward-mobility-us/index.html> (accessed: 27.11.2024); Onge P. St. Killing the golden goose: millennials earn less than their parents did // Mises Institute. 05.06.2024. URL: <https://mises.org/power-market/killing-golden-goose-millennials-earn-less-their-parents-did> (accessed: 07.08.2025); Gale W. G. [et al.]. The wealth of generations, with special attention to the millennials // National Bureau of Economic Research. May 2020. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/05/Generations-Working-Paper-2.pdf> (accessed: 07.08.2025).

² Филимонов С. Конкурент вуза: почему все больше людей хочет учиться в колледжах // РБК. 21.11.2024. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/6734df4b9a7947794bbee1a2> (дата обращения: 27.11.2024).

³ Жандарова И. На рынке труда новое явление: сотрудники уходят на обед и не возвращаются // Российская газета: [сайт]. 04.04.2024. URL: <https://rg.ru/2024/04/04/poshli-v-gosting.html> (дата обращения: 27.11.2024); Интерес соискателей к вакансиям со свободным графиком вырос на 46% // ИА ТАСС. 03.03.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17186991> (дата обращения: 27.11.2024).

мирной жизни [11]. В дальнейшем определение «потерянного поколения» расширилось и стало означать поколение, заставшее «неблагоприятные... внешние условия (война, эпоха перемен)» и поколение, у которого «отсутствует цель», а в жизни их сопровождает «неуспех» [10, с. 9]. Жданова и Ван приводят данные определения применительно к обыденной речи, однако и в научном дискурсе можно встретить такую интерпретацию, что будет продемонстрировано далее.

Эту дефиницию можно встретить в самоопределении поколения, молодость которого пришлось на 70-е годы XX века. В октябре 1961 года XXII съезд КПСС принимает «Программу построения коммунизма» [12], а спустя пять лет Ф. Бурлацкий публикует в газете «Правда» статью «О строительстве развитого социалистического общества», идеи которой нашли отклик в докладе Л. Брежнева к 50-летней годовщине Октябрьской революции о построении развитого социализма [13]. Оба события становятся стимулом для новых надежд, как пишут А. Слезин [12] и Ф. Сеницын [13]. С наступлением эпохи застоя сменяются общественные настроения. Этот период принято относить, как замечает Л. Гогина, к «эпохе безвременья» [14]. Согласно периодизации Б. Констана, после периода острых трансформаций, участниками которых были отцы представителей «потерянного поколения», возникает период без знаковых социальных потрясений. Молодёжь переживает разочарование в доминирующих общественных идеях, оказывается склонна к нигилизму, теряет интерес к труду и саморазвитию, ощущает себя отчуждённой [14, с. 146]. На этот период приходится рост самоопределения молодёжью себя как потерянного поколения. Режиссёр М. Захаров «причислял себя к “новому потерянному поколению”» — молодёжи 70-х годов XX века [15, с. 126], то же можно услышать применительно к писателю В. Макаину [14]. Л. Аннинский пишет о желании молодёжи семидесятых сепарироваться от молодёжи 50-х и начала 60-х годов через именование себя: «мы все — потерянное поколение» [16, р. 12]. То же можно встретить и у А. Вампилова: «[зарубежные писатели] пишут о потерянном поколении? Разве мы тоже не потеряны?» [17, р. 13].

Вторым потерянным поколением после поколения, обозначенного Г. Стайн [18], в научной литературе называют молодёжь второй половины 80-х годов XX века, которую А. Юрчак называет «последним советским поколением» [19]. В. Радаев приводит то же описание для молодёжи этого периода: «Родившиеся накануне перестройки квалифицируются как... ..“потерянное поколение”, а также “безвременно состарившееся поколение, у которого нет даже своего собственного будущего...”» [20, с. 55]. Для него характерен консьюмеризм, цинизм, безыдейность и безынициативность, отчуждение от ценностных идеалов. Радаев не соглашается с пессимизмом прогнозов относительно будущего данного поколения, но не спорит с его описанием. Е. Омельченко констатирует, что такая молодёжь «описывалась как морально дезориентированная, экономически и социально маргинализованная и апатичная, как потерянное и невостребованное поколение» [21, с. 17]. Среди ключевых для неё рисков В. Чупров, Ю. Зубок и К. Уильямс выделяли проблемы интеграции в новую капиталистическую реальность, рост конфликтов между молодёжью и обществом, нарастание неразрешаемых ситуаций риска для разных групп молодёжи, эскалацию риска, — отчего формировались условия маргинализации молодёжи [22, с. 160]. Чупров, Зубок и Уильямс приведённые здесь условия формирования потерянного поколения относят к ключевым характеристикам общества риска.

Связь между социально-экономическим контекстом и факторами самоопределения молодёжью себя как потерянного поколения достаточно ясна. Период застоя был периодом материальной стабильности и отсутствия потрясений [23]; 90-е годы XX века, напротив, — периодом множественных изменений, аномии. Возможно, в таком ключе можно говорить о двух возможных типах потерянных поколений: тех, чья молодость пришлась на период стабильности, и тех, чья молодость сопровождалась радикальными общественными преобразованиями. В соответствии с этим авторы придерживаются широкой трактовки потерянного поколения и, с опорой на работу Х. Садыковой, определяют потерянным поколением такое, которое не смогло реализовать свои способности и планы ввиду обстоятельств конкретного временного периода [24].

А. Сумская выдвигает гипотезы о связи отчуждённости современного цифрового общества с возможным становлением нового потерянного поколения: «можно предположить грядущие или уже существующие кардинальные травмирующие изменения в цифровой среде и способах коммуникации в глобальном контексте... и/или глубокие культурно-ценностные страновые трансформации, влияющие на самоощущения каждого человека и приводящие к утрате прежней “нормальности”» [25, с. 177]. О ключевой роли цифровых технологий в самоопределении современного поколения и их разобщённости пишет В. Васильева [26]. Подробнее этот процесс описан в работе Д. Иванова и Ю. Асочакова, которые констатируют сегодняшний кризис доверия к коллективному действию, разрабатывая собственную оригинальную трактовку категории отчуждения. Надежды публичных мыслителей рубежа XIX–XX веков связывались с многомиллионным рабочим движением, в 60-е годы XX века — с многотысячными разнообразными активистскими группами (за расовое равенство, экологическое движение и т.д.), а в настоящий момент — с теми, кого можно охарактеризовать как «беженцы от угнетающей рутины институтов и интеракций в узлы сетей и потоков» [27, с. 25]. Коллективное действие, требующее доверия и кооперации, сменяется уже упоминавшимися нигилизмом и отчуждением.

Поскольку современное общество характеризуется индивидуализацией переживания отчуждения, приобретает важность трактовка отчуждения, предложенная М. Микиртумовым: «...отчуждение есть аффект, и он встроен в комплекс аффектов, которые образуют ресентимент, или мстительную зависть, входящую в социально-психологическое основание борьбы масс за эмансипацию» [28, с. 41–42]. В соответствии с этим операционализация отчуждения будет включать в себя «мстительную зависть», выражаемую в признании молодёжью себя безыдейной, ленивой, безынициативной, а также зависть к условиям развития и жизни предыдущих поколений.

Саморегуляция жизнедеятельности молодёжи в условиях социальных изменений. Чтобы говорить молодёжи о себе как о части коллективной общности поколения, ей необходимо обращаться к пространству intersubъективного смысла, для анализа которого справедливо воспользоваться теорией саморегуляции В. Чупрова и Ю. Зубок. Её содержание изложено отечественными социологами в ряде монографий ([29; 30; 31] и др.), а её развитие содержится, например, в трех статьях о коллективных представлениях молодёжи о будущем [32; 33; 34].

Саморегуляция представляет собой координацию действий, смыслов, мотивации и интенций, а также образов социальной реальности при взаимодействии молодёжи друг с другом [35]. Процесс саморегуляции жизнедеятельности молодёжи включает воспроизводство коллективных представлений о должном, принятых нормах, приемлемом и генерирование новых: «Субъективная реальность формируется на основе многообразия смыслов и их сложных сочетаний — традиционных и современных. Традиционные смыслы передают опыт предшествующих поколений, который содержится в архетипических и ментальных структурах коллективного бессознательного и отрефлексирован в групповом и индивидуальном сознании» [29, с. 30]. Нарушение таких представлений, как показано в работе Сумской, является риском для формирования потерянного поколения [25, с. 177]. Человек, когда совершает какое-либо действие, ориентируется в своём замысле на ожидания других людей от него, самостоятельно регулируя, тем самым, данное действие и исключая нежелательные для визави его действий последствия. Авторам особенно значимо, что в теории саморегуляции присутствуют два онтологических компонента: жизненный мир как единство переживаемого опыта и интерсубъективность как единство смысла и интерпретации. Это открывает перспективу изучения понимаемого вопроса о необходимости соотнесения ответов молодёжи о переживаемых ими и их сверстниками проблемах (пространство общего опыта) с утверждениями о ценностях современной молодёжи (пространство интерсубъективного смысла). Для измерения пространства общего опыта использовались переменные, описывающие совокупность совместно переживаемых проблем: проблемы с получением образования, жильём, самовыражением и саморазвитием, поиском работы и трудоустройством. Для измерения интерсубъективного формирования представлений молодёжи о своём поколении использовались вопросы, выражающие степень согласия респондентов с утверждениями о том, что современная молодёжь тянется к высоким идеалам, трудолюбива и готова старательно работать, тянется к знаниям и стремится получить хорошее образование.

Цель исследования, суммируя вышеописанное, заключается в анализе самоопределения российской молодёжи как потерянного поколения.

Материалы и методы. Эмпирическая база — данные телефонного опроса жителей России, проведённого в июле-сентябре 2022 года. Объем выборочной совокупности составил 2500 респондентов. Выборочная совокупность репрезентативна по полу, возрасту и федеральному округу для Российской Федерации. Опрашивались жители регионов Российской Федерации старше 18 лет. Средний возраст участников исследования — 46,17 лет. Максимальный возраст среди опрошенных — 82 года. Распределение по полу следующее: 46,1% — мужчины; 53,9% — женщины. В опросе приняли участие как горожане (75,3% опрошенных), так и проживающие в сельской местности (24,7%). Для последующего анализа была отобрана выборочная совокупность респондентов в возрасте от 18 до 35 лет, в которую вошли 840 человек. Такие возрастные рамки обусловлены законодательной нормой, определяющей молодёжь как людей от 14 до 35 лет. Вопросы о возрастных разграничениях позиций по рассматриваемым в исследовании вопросам дополнительно проверялись при помощи статистических методов анализа.

Переменные, включённые в анализ, приводятся в таблице 1.

Таблица 1

Используемые в анализе переменные и шкалы измерений

Переменная, формулировка вопроса	Шкала измерения
Переменные анализа	
Оцените, насколько Вы согласны с высказываниями о современной молодёжи:	
Возможности для развития и самореализации современной молодёжи намного шире, чем возможности молодёжи прошлых поколений	1 — совсем не согласен ... 10 — полностью согласен
Современная молодёжь тянется к высоким идеалам	
Современная молодёжь трудолюбива и готова старательно работать	
Современная молодёжь тянется к знаниям и стремится получить хорошее образование	
Как вы думаете, какая часть людей вашего возраста сталкиваются со следующими проблемами?	
Проблемы с досугом и интересным времяпрепровождением	1 — Почти все 2 — Больше половины 3 — Меньше половины 4 — Почти никто
Проблемы с получением образования	
Проблемы с жильём	
Проблемы в самовыражении и саморазвитии	
Проблемы с поиском работы и трудоустройством	
Материальные проблемы: нехватка денег, высокие цены	
Социально-демографические характеристики	
Финансовое благополучие: Как бы Вы оценили уровень доходов в Вашей семье?	1 — Денег не хватает даже на продукты питания; 2 — На продукты питания денег хватает, но покупка одежды уже вызывает затруднения; 3 — Денег хватает на продукты и одежду, однако покупка вещей длительного пользования для нас является проблемой; 4 — Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования, но нам сложно приобретать дорогие вещи; 5 — Мы можем позволить себе приобретать такие дорогие вещи, как квартира, дача
Пол (записывается интервьюером).	1 — женский; 0 — мужской
Возраст: Ваш возраст?	Число полных лет

К вопросам интерсубъективного смысла отнесены четыре переменные вопроса «Оцените, насколько Вы согласны с высказываниями о современной молодёжи»: «Возможности для развития и самореализации современной молодёжи намного шире, чем возможности молодёжи прошлых поколений», «Современная молодёжь тянется к высоким идеалам», «Современная молодёжь трудолюбива и готова старательно работать» и «Современная молодёжь тянется к знаниям и стремится получить хорошее образование». Отчуждённости соответствовало несогласие с приведёнными высказываниями, то есть значение менее 5 по шкале вопроса. Общий переживаемый опыт измерен вопросом «Как вы думаете, какая часть людей вашего возраста сталкиваются со следующими проблемами?» («Проблемы с получением образования», «Проблемы с досугом и интересным времяпрепровождением», «Проблемы с жильём», «Проблемы в самовыражении и саморазвитии», «Проблемы с поиском работы и трудоустройством», «Материальные проблемы: нехватка денег, высокие цены»).

Для выявления различных устойчивых позиций молодёжи о самой себе использовался метод кластеризации к-средних. Для определения оптимального числа кластеров использовался метод локтя, где метрикой выступала силуэтная мера. Переменная принадлежности к кластеру для последующего анализа была перекодирована в группу дихотомических. Для профилирования кластеров применялся метод корреляции Спирмена. Поскольку для всех переменных распределение значимо отличалось от нормального (тест Колмогорова-Смирнова, $p < 0,05$), для демонстрации значимых межкластерных различий распределений использовался тест Краскела-Уоллиса. Парное сравнение не проводилось.

Структура самоопределения российской молодёжи. Были получены три кластера, силуэтная мера составила 0,3064, что указывает на среднее качество полученных кластеров. Средние значения переменных кластеризации и социально-демографические характеристики получившихся кластеров приводятся в таблице 2.

В получившихся кластерах отчётливо выделяются три позиции молодёжи относительно себя. Первая позиция — строго оптимистическая. Молодёжь полагает, что живёт в такое время, когда обладает наилучшими условиями для самореализации (среднее значение 8,970) и умело ими пользуется: тянется к высоким идеалам (среднее значение 7,34), готова получить образование (среднее значение 7,99) и упорно работать (среднее значение 6,82). В данном кластере преобладают более молодые женщины (доля 62%, средний возраст — 26,91 года) со сравнительно более высоким уровнем финансового благополучия (среднее значение 3,68 балла).

Представители второго кластера, напротив, полагают, что современное общество не предоставляет необходимых условий для самореализации в сравнении с обществами прошлого (среднее значение 2,86). В то же время они скорее склонны констатировать отчуждённость современной молодёжи: она в их понимании не стремится к идеалам (среднее значение 4,2), не готова усердно работать (среднее значение 3,36) и не хочет получить хорошее образование (среднее значение 4,19). В данном кластере преобладают более старшие мужчины (доля мужчин 60%, средний возраст 29 лет) со сравнительно более низким уровнем финансового благополучия (среднее значение 3,42 балла).

Таблица 2

Средние значения переменных кластеризации и социально-демографических

Переменные	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Выборочная совокупность
Количество, чел.	478	247	115	840
Социально-демографические переменные				
Доля женщин	0,62*	0,4*	0,38*	0,52
Финансовое благополучие	3,68*	3,42*	3,72*	3,66
Возраст	26,91*	29*	28,06*	27,54
Переменные кластеризации				
Возможности для развития и самореализации современной молодёжи намного шире, чем возможности молодёжи прошлых поколений	8,97*	2,86*	8,85*	8,1
Современная молодёжь тянется к высоким идеалам	7,34*	4,2*	4,49*	6,07
Современная молодёжь трудолюбива и готова старательно работать	6,82*	3,36*	3,77*	5,45
Современная молодёжь тянется к знаниям и стремится получить хорошее образование	7,99*	4,19*	4,57*	6,46

Примечание: * — $p < 0,001$, тест Краскела-Уоллиса.

Третий кластер занимает более критичную позицию в сравнении со вторым. Представители данного кластера согласны с представителями второго в негативных оценках молодёжи: молодёжь не желает учиться (среднее значение 4,57), работать (среднее значение 3,77), стремиться к высоким идеалам (среднее значение 4,49). Однако в их ответах есть имманентный упрёк: молодёжь придерживается таких абсентеистских позиций, несмотря на то, что живёт в наилучших за всю историю условиях (среднее значение 8,85). Представители второго кластера здесь менее категоричны — молодёжь не готова быть активной, но и условий для этого тоже нет. В третьем кластере также преобладают мужчины более старшего возраста (доля мужчин 62%, средний возраст 28,06 года). Однако их финансовое положение оказывается сравнительно более высоким в сравнении с таковым среди представителей второго кластера (среднее значение 3,72 балла).

Если же говорить о всей выборочной совокупности, то молодёжь в целом придерживается умеренно оптимистичных взглядов о собственных ценностях. Средние значения во всех случаях превышают 5 баллов, то есть они скорее согласны с утверждениями, чем несогласны: 6,07 балла для высказывания «Современная молодёжь тянется к высоким идеалам»; 5,45 балла для высказывания «Современная

молодёжь трудолюбива и готова старательно работать»; 6,46 балла для высказывания «Современная молодёжь тянется к знаниям и стремится получить хорошее образование». Также молодёжь выражает высокую степень согласия с тем, что живёт во время наилучших возможностей для самореализации — 8,1 балла из десяти.

Рассмотрим далее профилирование кластеров (см. табл. 3).

Таблица 3

**Результаты профилирования кластеров и средние значения переменных
во всей выборочной совокупности**

Переменная	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Выборочная со- вокупность <i>Ср. знач. (ст. откл.)</i>
Проблемы с досугом и интерес- ным времяпрепровождением	0,07*	-0,1**	н/з	3,03 (0,89)
Проблемы с получением образо- вания	0,08*	-0,1**	н/з	3,09 (0,89)
Проблемы с жильём	0,08*	-0,11**	н/з	2,22 (1,0)
Проблемы в самовыражении и саморазвитии	н/з	-0,05**	н/з	2,74 (0,94)
Проблемы с поиском работы и трудоустройством	0,08*	-0,12**	н/з	2,57 (0,94)
Материальные проблемы: не- хватка денег, высокие цены	0,08*	-0,11**	н/з	2,05 (0,94)

Примечание: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$, тест корреляции Спирмена.

Проведённое профилирование показывает, что на установки относительно са-
мих себя влияет собственный опыт и опыт ближайшего окружения, который со-
ставляет жизненный мир респондента. Так, представители первого кластера чаще
рассказывают, что никто или практически никто из их ровесников не испытывает
проблемы практически во всех сферах, затрагиваемых в вопросе: организация до-
суга (коэффициент 0,07), образование (коэффициент 0,08), жилье (коэффициент
0,08), трудоустройство (коэффициент 0,08), материальное благополучие (коэффи-
циент 0,08). Представители второго кластера, напротив, скорее склонны полагать,
что все или почти все из числа их ровесников сталкиваются с проблемами в пере-
численных сферах (проблемы с досугом — коэффициент -0,1; проблемы с образо-
ванием — коэффициент -0,1; проблемы с жильём — коэффициент -0,11; проблемы с
трудоустройством — коэффициент -0,12; материальные проблемы — коэффициент
-0,11), а также в самовыражении и в саморазвитии (коэффициент -0,05).

Представители третьего кластера, как показывают результаты анализа, не от-
личаются от всей выборочной совокупности, дающей довольно умеренные оцен-
ки числа людей, которые среди их окружения испытывают трудности в обозначен-
ных в вопросе сферах. Наименее тяжёлыми видятся проблемы, связанные с до-
сугом и образованием (средние значения — 3,03 и 3,09 соответственно), наиболее
острая проблема связана с оценкой молодёжи своего материального положения
(2,05 балла). Если принимать за середину шкалы значение в 2,5 балла, то обра-
щает на себя внимание то, что распространёнными (то есть представленными более
чем у половины сверстников) проблемами молодёжь в целом считает проблемы
материального достатка (среднее значение 2,22 балла) и жилья.

Причины самоопределения молодёжи как потерянного поколения. Совмещая полученные результаты распределения переменных кластеризации и итоги профилирования кластеров посредством корреляционного анализа, можно обнаружить, что неудачи окружения (молодёжи) представители второго кластера связывают с (собственной) принадлежностью к группе молодёжи. Значительная часть окружения респондентов второго кластера испытывают трудности по всем приведённым вопросам в связи с тем, что они живут в неудачное время, в сравнении с поколениями, жившими до них; они отчуждены от процесса труда, учёбы, высоких идеалов. Особенное беспокойство вызывает численность второго кластера (247 человек из 840, то есть 29,4%). Однако содержательно полученные результаты не позволяют констатировать становление нового потерянного поколения. Третий кластер (115 человека из 840 — 13,7%) даёт очень смешанные оценки как своим сверстникам, так и распространённости проблем. Занимаемая ими позиция о характеристике себя как группы абсентеистов при высокой оценке современных возможностей для самореализации никак не связывается с распространённостью тех или иных неудач (отсутствует связь на статистически значимом уровне для всех измеренных проблем). Другими словами, в отличие от первых двух кластеров, они причины неудач ищут не в молодёжи и не в условиях, в которых молодёжь живёт, а в чем-то ином. В то же время отсутствие различий с оценками распространённости проблем с остальной выборкой позволяет предположить, что при росте распространённости проблем данный кластер также может мигрировать в своих суждениях ближе ко второму кластеру. В такой ситуации он окажется «потерянным поколением» периода благополучия, поскольку полагает современное ему время благополучным, а второй кластер — «потерянным поколением» периода нестабильности, также из оценок современности. Наибольший по численности первый кластер (478 человек из 840 — 56,9%) даёт оптимистичные оценки как времени, на которое пришлось его молодость, так и качеств современных молодых людей, а также констатируя, что неудачи в рассматриваемых в данном исследовании сферах встречаются относительно нечасто.

Полученные результаты встраиваются сразу в несколько академических дискуссий, дающих конкурирующие объяснения сложившейся ситуации. Наиболее значительные отличия среди социально-демографических характеристик между кластерами наблюдаются в соотношении мужчин и женщин и в уровне финансового благополучия. Отчуждённость второго кластера выглядит синонимичным состоянию разочарования, которое описывают П. Милан с соавторами [36], Д. Милошав с соавторами [37], Т. Капелос с соавторами [38]. Они описывают общее состояние отчуждённости, с которым сталкиваются современные молодые мужчины, часто финансово неблагополучные, в отношении происходящих социальных изменений: падение значимости традиционно мужских индустриальных профессий, рост требований к участию мужчин в домашнем хозяйстве и воспитании детей и т.д. Свою отчуждённость они выражают через нарратив о разочаровании в современном обществе и тех условиях, которое оно им предоставляет: работа в сфере услуг и прекарность против карьеры в промышленности и т.д. А своих современников они характеризуют как бездейных, ленивых, изнеженных. Милан, Милошав и Капелос замечают, что данная группа оказывается склонна к радикализации в сторону правых экстремистских групп. Цитируемые авторы описывают данное положение применительно к зарубежным обществам, однако В. Красиков видит предпосылки для радикализации и в современной России [39].

Вторая дискуссия иначе интерпретирует направление каузальности приведённого в данной статье корреляционного анализа, где жизненный мир (совокупность переживаемых проблем) оказывается причиной для сложившихся абсентеистских представлений о действительности. Пессимистичный взгляд как на собственное поколение, так и на условия жизни второго кластера может быть объяснён сформированной выученной беспомощностью. М. Виноградов и А. Суслова описывают это как «минимизацию деятельностной активности как таковой или даже утрату веры в ценность сегодняшнего дня» [40, с. 123]. При такой интерпретации требует подробного рассмотрения вопрос о том, почему участники второго кластера оказались свидетелями и участниками такого числа неудач, что видится направлением для дальнейших исследований.

Полученные результаты оказываются устойчивыми при изменении понимания логики ответа на вопросы респондентами в континууме от позиции Э. Ноэль-Нойнман [41] к позиции В. Чупрова и Ю. Зубок. Вне зависимости от того, будет ли рассматриваться, например, утверждение «Современная молодёжь трудолюбива и готова старательно работать» результатом представления о том, что респондент полагает, что его окружение полагает о молодёжи (позиция Ноэль-Нойнман), либо же он констатирует сонастройку собственной ценности труда и ценности его сверстников, выводы останутся прежними, так как в первом случае итогом окажется инкорпорирование респондентом ценности труда в соответствии с ожиданиями окружения. Среди ограничений же следует назвать количественный дизайн исследования, который не позволяет поднимать более чувствительные темы, такие как опыт личных неудач. Также заслуживает внимания более детальное рассмотрение представленности обозначенных позиций по отдельным возрастным группам среди молодёжи. Несмотря на обнаруженные различия в возрасте между кластерами, они представляются небольшими (не более 2,09 года между средними значениями кластеров). Расширение выборочной совокупности позволит провести такой анализ.

Заключение. Полученные результаты позволяют отрицательно ответить на вопрос, содержащийся в заглавии статьи: есть ли в России третье потерянное поколение? Доля молодёжи, которая негативно отзывалась о себе, регулярно сталкивается с трудностями, полагает, что современное время не располагает к самореализации — представители второго обнаруженного кластера — составляют менее трети от всех респондентов (29,4%). Их превосходит в численности первый кластер (56,9%) — респонденты, которые полагают, что живут в лучшее время для самореализации, верят в современную молодёжь, считают, что она трудолюбива и стремится к идеалам, а также практически не сталкивается с трудностями. Третий кластер (13,7%) также полагает, что современная молодёжь живёт в лучшее из времён, но в то же время находит молодёжь безынициативной, ленивой, без идеалов. Есть опасения полагать, что если частота проблем, с которыми сталкивается третий кластер, возрастёт, он может примкнуть к отчуждённому второму кластеру, что даст больше оснований опасаться появления третьего потерянного поколения.

Библиографический список

1. Elder G. H. Age differentiation and the life course // Annual Review of Sociology. 1975. Vol. 1, Issue 1. P. 165–190. DOI [10.1146/annurev.so.01.080175.001121](https://doi.org/10.1146/annurev.so.01.080175.001121).
2. Мальчукова Н. Н., Куликова С. В. Формирование профессионального самоопределения в ракурсе профессиональных династий // Агропродовольственная политика России. 2017. № 12(72). С. 174–178. EDN [YPLLWM](https://elibrary.ru/ypllwmm).

3. *Srinivas V.* Explaining the increase in young adults living with parents // *Journal of Economic Issues*. 2019. Vol. 53, № 4. P. 1017–1028. DOI [10.1080/00213624.2019.1664237](https://doi.org/10.1080/00213624.2019.1664237).
4. *Труфанова Е. О.* Субъект: вызовы цифровизации // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024. Т. 6, № 4. С. 215–234. DOI [10.46539/gmd.v6i4.525](https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.525). EDN [WMSJIU](#).
5. *Тихонова И. Ю., Кравец А. С.* Парасоциальные отношения в современном мире // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия*. 2022. № 1(43). С. 41–49. EDN [PIOADS](#).
6. *Зубок Ю. А., Любутов А. С.* Молодёжь в социокультурной реальности российского общества: смысловые детерминанты саморегуляции // *Россия реформирующаяся*. 2022. № 20. С. 339–378. DOI [10.19181/ezheg.2022.13](https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.13). EDN [JEIBXB](#).
7. Потенциал рефлексивной технологии в изучении изменяющегося общества / Г. И. Саганенко, А. Э. Гегер, К. К. Боярский [и др.] // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2020. Т. 13, № 1. С. 40–54. DOI [10.21638/spbu.12.2020.103](https://doi.org/10.21638/spbu.12.2020.103). EDN [IBLHIK](#).
8. *Мальцева В. А., Шабалин А. И.* Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // *Вопросы образования*. 2021. № 2. С. 10–42. DOI [10.17323/1814-9545-2021-2-10-42](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42). EDN [VFPICX](#).
9. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М. : Ad Marginem, 2014. 328 с. ISBN 978-5-91103-209-8.
10. *Ван Ш., Жданова Л. А.* «Потерянное поколение» в современном русскоязычном публицистическом дискурсе // *Litera*. 2023. № 3. С. 1–10. DOI [10.25136/2409-8698.2023.3.39866](https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.3.39866). EDN [INVAEM](#).
11. *Галинская И. Л.* «Потерянное поколение» и Гертруда Стайн // *Культурология*. 2016. № 4(79). С. 56–59. EDN [XIPIRR](#).
12. *Слезин А. А.* Общественные ожидания от построения коммунизма в начале 1960-х гг. // *Перспективы науки*. 2013. № 9(48). С. 74–76. EDN [RTDXGB](#).
13. *Ситицын Ф. Л.* Концепция «развитого социализма» как ответ СССР на идеологические и социально-экономические вызовы времени (1964–1982) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 1. С. 29–39. DOI [10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39). EDN [AATWIK](#).
14. *Гогина Л. П.* Творчество Владимира Маканина в коммуникативном диалоге «эпох безвременья»: социальный статус «потерянного поколения» // *Коммуникология*. 2019. Т. 7, № 1. С. 143–151. DOI [10.21453/2311-3065-2019-7-1-143-151](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2019-7-1-143-151). EDN [ONHLEY](#).
15. *Ряпосов А. Ю.* «Игра в бога» как метасюжет экранных произведений М. А. Захарова // *Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой*. 2020. № 5(70). С. 126–135. EDN [ZHQTAR](#).
16. *Amninskii L.* The Sixties Generation, The Seventies Generation, The Eighties Generation... Toward a Dialectic of the Generations in Russian Literature // *Soviet Studies in Literature*. 1991. Vol. 27, № 4. P. 11–28. DOI [10.2753/RSL1061-1975270411](https://doi.org/10.2753/RSL1061-1975270411).
17. *Lipovetskii M.* The Sovok Blues: The Writers of the Sixties Today // *Russian Studies in Literature*. 1998. Vol. 34, № 3. P. 5–27. DOI [10.2753/RSL1061-197534035](https://doi.org/10.2753/RSL1061-197534035).
18. *Канина С. Ю., Кукумова Г. В.* Образ второго «потерянного поколения» в новейшем романе (К. Крахт *Faserland*, С. Минаев *Duxless*) // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2016. № 1. С. 130–135. EDN [WXOOQP](#).
19. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось : Последнее советское поколение. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 664 с. ISBN 978-5-4448-0190-1.
20. *Радаев В. В.* Прощай, советский простой человек! // *Общественные науки и современность*. 2018. № 3. С. 51–65. DOI [10.7868/S0869049918030048](https://doi.org/10.7868/S0869049918030048). EDN [XNSBDF](#).
21. *Омельченко Е. Л.* Забытое поколение X. Ретроспективный взгляд из будущего // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2024. Т. 16, № 2. С. 10–28. DOI [10.19181/inter.2024.16.2.1](https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.1). EDN [AATYIC](#).
22. *Williams Ch., Chuprov V., Zubok Yu.* Youth, risk and Russian modernity. Aldershot (Hants) : Ashgate, 2003. ISBN 1-85521-915-8. EDN [QODRLX](#).
23. *Третьяков В. Т.* Эпоха застоя — «золотой век» СССР и России // *Философия хозяйства*. 2009. № 5(65). С. 239–251. EDN [OHSRSZ](#).
24. *Садыкова Х. Н.* Генезис научных представлений о поколении как социокультурном феномене // *Современные проблемы науки и образования*. 2015. № 1-2. С. 213. EDN [TXUYDE](#).
25. *Сумская А. С.* «Цифровые аборигены» как новое российское «потерянное поколение»? // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2022. № 2(44). С. 171–183. DOI [10.47475/2070-0695-2022-10221](https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10221). EDN [XHUWCI](#).

26. *Васильева В. А.* Теория Штрауса — Хау и другие поколенческие концепции как основа для анализа феномена плагиата в студенческой среде // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 7. С. 13–18. EDN [VDUBRP](#).
27. *Иванов Д. В., Асочаков Ю. В.* Цифровизация и критическая теория общества // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 16–28. DOI [10.31857/S013216250024389-0](#). EDN [QSVXAO](#).
28. *Микиртумов И.* Время труда и время досуга: отчуждение в эпоху цифровизации // Stasis. 2022. Т. 10, № 1. С. 38–76.
29. *Чупров В. И., Михеева В. В.* Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий в условиях неопределенности. Почему нет мира в Украине. М. : Норма. 2015. 160 с. ISBN 978-5-91768-587-8.
30. *Чупров В. И., Zubok Ю. А., Романович Н. А.* Доверие в саморегуляции изменяющейся социальной реальности. М. : Норма, 2019. 208 с. ISBN 978-5-91768-995-1. EDN [HKLNUZ](#).
31. *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М. : Норма, 2020. 304 с. ISBN 978-5-00156-082-1. EDN [WLJWBA](#).
32. *Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.* Социокультурные установки в саморегуляции представлений молодежи о будущем // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 112–133. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.8](#). EDN [EIFNDP](#).
33. *Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.* Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 56–74. DOI [10.19181/nko.2022.28.4.5](#). EDN [QATYVU](#).
34. *Зубок Ю. А., Селиверстова Н. А.* Представления молодежи о будущем страны в проекции культуры // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 39–52. DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](#). EDN [HMLFLO](#).
35. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: структурно-таксономическое моделирование / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, А. С. Любутов, О. В. Сорокин // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 23–36. DOI [10.31857/S013216250014766-5](#). EDN [SBPAJB](#).
36. Young Masculinities and Right-Wing Populism in Australia / P. Nilan, J. Roose, M. Peucker, B. S. Turner // Youth. 2023. Vol. 3, No. 1. P. 285–299. DOI [10.3390/youth3010019](#). EDN [YZLQQQ](#).
37. The youth gender gap in support for the far right / Ё. Milosav, Z. Dickson, S. B. Hobolt [et al.] // Journal of European Public Policy. 2025. P. 1–25. DOI [10.1080/13501763.2025.2481181](#).
38. *Capelos T., Nield E., Salmela M.* Narratives of success and failure in resentment: Assuming victimhood and transmuting frustration among young Korean men // Social Sciences. 2023. Vol. 12, No. 5. P. 259. DOI [10.3390/socsci12050259](#). EDN [UXFITK](#).
39. *Красиков В. И.* Онлайн-радикализация молодежи: предпосылки и механизмы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 80. С. 108–122. DOI [10.17223/1998863X/80/10](#). EDN [SNQMLL](#).
40. *Виноградов М. Ю., Суслова А. А.* Феномен социальной апатии и его актуальность в современной России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2022. № 4(107). С. 123–145. DOI [10.30570/2078-5089-2022-107-4-123-145](#). EDN [FTUSVO](#).
41. *Ноэль-Нойман Э.* Общественное мнение : Открытие спирали молчания. М. : Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. 352 с. ISBN 5-85864-035-4.

Поступила: 01.08.2025. Доработана: 02.09.2025. Принята: 08.09.2025.

Сведения об авторах:

Русакова Майя Михайловна, кандидат социологических наук, доцент, директор Центра прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. m.rusakova@spbu.ru
Author ID РИНЦ: [73691](#); ORCID: [0000-0002-4597-2837](#)

Ткач Сергей, ведущий социолог, Центр прикладной социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия. [s.tkach@spbu.ru](mailto.s.tkach@spbu.ru)
Author ID РИНЦ: [1192469](#); ORCID: [0000-0001-5016-9187](#)

М. М. Rusakova¹, S. Tkach¹

¹ St Petersburg University. St. Petersburg, Russia

IS THERE A THIRD LOST GENERATION IN RUSSIA?

Abstract. In the recent history of Russia, it is customary to distinguish two “lost generations” — whose youth fell on the turn of the 1960s–1970s and the 1980s of the twentieth century. A number of contemporary researchers put forward hypotheses about the possible formation of a new, third lost generation. Among the grounds for such assumptions are the growth of alienation in the context of digital society, the transformation of values, and difficulties in social self-realization. To test the stated hypothesis, the authors conducted an empirical study within a quantitative paradigm: a representative telephone survey of Russian residents was carried out in July–September 2022 (N=2500). For analysis, questionnaires of respondents aged 18 to 35 were selected (n=840). The results of cluster analysis revealed three stable youth groups. The first cluster (56.9% of respondents) is characterized by an optimistic assessment of contemporary conditions as the most favorable for self-realization; its representatives evaluate youth as hardworking, striving for knowledge and high ideals, and problems among their peers, according to their assessments, occur rarely. The second cluster (29.4% of respondents), on the contrary, experiences alienation from contemporary society: youth are perceived as lacking initiative and ideals, and respondents’ peers, in their opinion, face a wide range of difficulties, primarily related to housing and material well-being. The third cluster (13.7% of respondents) believes that modern society provides youth with the best opportunities for development, yet considers that youth do not seek to take advantage of them, demonstrating absenteeism. The relatively small size of the second cluster does not allow one to speak of the formation of a new lost generation. The results obtained contribute to the existing academic discussion on the possible causes of youth radicalization, as well as the prevalence of the phenomenon of learned helplessness.

Keywords: youth, life world, self-regulation, life failures, life strategies, lost generation, alienation

For citation: Rusakova M. M., Tkach S. Is there a third lost generation in Russia? *Science. Culture. Society*. 2025;31(3):56–71. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2021.31.3.4>

References

1. Elder G. H. Age differentiation and the life course. *Annual Review of Sociology*. 1975;1(1):165–190. DOI [10.1146/annurev.so.01.080175.001121](https://doi.org/10.1146/annurev.so.01.080175.001121).
2. Malchukova N. N., Kulikova S. V. Formation of professional self-determination in the perspective of professional dynasties. *Agro-food policy in Russia*. 2017;(12):174–178. (In Russ.).
3. Srinivas V. Explaining the increase in young adults living with parents. *Journal of Economic Issues*. 2019;53(4):1017–1028. DOI [10.1080/00213624.2019.1664237](https://doi.org/10.1080/00213624.2019.1664237).
4. Trufanova E. O. The subject: challenges of the digital. *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2024;6(4):215–234. (In Russ.). DOI [10.46539/gmd.v6i4.525](https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.525).
5. Tikhonova I. U., Kravets A. S. Parasocial relations in the modern world. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy*. 2022;(1):41–49. (In Russ.).
6. Zubok Yu. A., Lyubutov A. S. Youth in the socio-cultural reality of Russian society: semantic determinants of self-regulation. *Rossija reformirujushhajasja*. 2022;(20):339–378. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2022.13](https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.13).
7. Saganenko G. I., Geger A. E., Boyarsky K. K. [et al.]. The potential of reflective technology in the study of a changing society. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. 2020;13(1):40–54. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu.12.2020.103](https://doi.org/10.21638/spbu.12.2020.103).
8. Maltseva V. A., Shabalin A. I. The non-bypass trajectory, or the boom in demand for TVET in Russia. *Educational Studies Moscow*. 2021;(2):10–42. (In Russ.). DOI [10.17323/1814-9545-2021-2-10-42](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42).
9. Standing G. The precariat: the new dangerous class. Moscow: Ad Marginem; 2014. (In Russ.). ISBN 978-5-91103-209-8.
10. Wang Sh., Zhdanova L. A. The “lost generation” in modern Russian-language journalistic discourse. *Litera*. 2023;(3):1–10. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-8698.2023.3.39866](https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.3.39866).
11. Galinskaya I. L. “The Lost Generation” and Gertrude Stein. *Culturology*. 2016;(4):56–59. (In Russ.).

12. Slezin A. A. Social expectations from communism formation in the early 1960s. *Science Prospects*. 2013;(9):74–76. (In Russ.).
13. Sinitsyn F. L. The Concept of 'Developed Socialism' as response of the USSR to ideological and socio-economic challenges of the time (1964–1982). *Izvestiya of Saratov University. History, International Relations*. 2022;22(1):29–39. (In Russ.). DOI [10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39](https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-1-29-39).
14. Gogina L. P. The writings of Vladimir Makanin in the communicative dialogue of the epochs of troubled times: the social status of the “lost generation”. *Communicology (Russia)*. 2019;7(1):143–151. (In Russ.). DOI [10.21453/2311-3065-2019-7-1-143-151](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2019-7-1-143-151).
15. Ryaposov A. Yu. “Playing god” as a meta-plot of the screen works of M. A. Zakharov. *Bulletin of the Vaganova Ballet Academy*. 2020;(5):126–135. (In Russ.).
16. Anninskii L. The Sixties Generation, The Seventies Generation, The Eighties Generation... Toward a Dialectic of the Generations in Russian Literature. *Soviet Studies in Literature*. 1991;27(4):11–28. DOI [10.2753/RSL1061-1975270411](https://doi.org/10.2753/RSL1061-1975270411).
17. Lipovetskii M. The Sovok Blues: The Writers of the Sixties Today. *Russian Studies in Literature*. 1998;34(3):5–27. DOI [10.2753/RSL1061-197534035](https://doi.org/10.2753/RSL1061-197534035).
18. Kanina S. Yu., Kuchumova G. V. Mage of the second “lost generation” in the latest novel (K. Kracht *Faserland*, S. Minaev *Gudless*). *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*. 2016;(1):130–135. (In Russ.).
19. Yurchak A. It Was Forever, Until It Ended. The Last Soviet Generation. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2016. (In Russ.). ISBN 978-5-4448-0190-1.
20. Radaev V. V. Farewell to the Soviet Ordinary Man! *Social Sciences and Contemporary World (ONS)*. 2018;(3):51–65. (In Russ.). DOI [10.7868/S0869049918030048](https://doi.org/10.7868/S0869049918030048).
21. Omelchenko E. L. Forgotten generation X. A Retrospective look from the future. *Interaction. Interview. Interpretation*. 2024;16(2):10–28. (In Russ.). DOI [10.19181/inter.2024.16.2.1](https://doi.org/10.19181/inter.2024.16.2.1).
22. Williams Ch., Chuprov V., Zubok Yu. Youth, risk and Russian modernity. Aldershot (Hants): Ashgate; 2003. ISBN 1-85521-915-8.
23. Tretyakov V. T. The epoch stagnation — the “Goldage” for USSR and Russia. *Filosofija hozjajstva*. 2009;(5):239–251. (In Russ.).
24. Sadykova Kh. N. Genezis scientific ideas about the generation as a sociocultural phenomena. *Modern problems of science and education*. 2015;(1-2):213. (In Russ.).
25. Sumskaya A. S. “Digital natives” as a new Russian “lost generation”? *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2022;(2):171–183. (In Russ.). DOI [10.47475/2070-0695-2022-10221](https://doi.org/10.47475/2070-0695-2022-10221).
26. Vasilyeva V. A. The Strauss-Howe theory and other generational concepts as a basis for analyzing the phenomenon of plagiarism among students. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2023;(7):13-18. (In Russ.).
27. Ivanov D. V., Asochakov Yu. V. Digitalization and critical theory of society. *Sociological Studies*. 2023;(6):16–28. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250024389-0](https://doi.org/10.31857/S013216250024389-0).
28. Mikirtumov I. The Time of Work and the Time of Leisure: Alienation in the Era of Digitalization. *Stasis*. 2022;10(1):38–76. (In Russ.).
29. Chuprov V. I., Mikheeva V. V. Trust in self-regulation of social interactions in conditions of uncertainty. Why is there no peace in Ukraine. Moscow: Norma; 2015. (In Russ.). ISBN 978-5-91768-587-8.
30. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Romanovich N. A. Trust in self-regulation of a changing social reality. Moscow: Norma; 2019. (In Russ.). ISBN 978-5-91768-995-1.
31. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. Youth in the cultural space: self-regulation of life activity. Moscow: Norma; 2020. (In Russ.). ISBN 978-5-00156-082-1.
32. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Sociocultural attitudes in the self-regulation of youth's ideas about the future. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):112–133. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2024.30.4.8](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.8).
33. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth. *Science. Culture. Society*. 2022;28(4):56–74. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2022.28.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.5).
34. Zubok Yu. A., Seliverstova N. A. Youth views about the future of the country in the projection of culture. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):39–52. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.3.1](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.1).
35. Chuprov V. I., Zubok Yu. A., Lyubutov A. S., Sorokin O. V. Self-regulation of life of the youth: structural-taxonomic modeling. *Sociological Studies*. 2021;(10):23–36. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250014766-5](https://doi.org/10.31857/S013216250014766-5).

36. Nilan P., Roose J., Peucker M., Turner B. S. Young masculinities and right-wing populism in Australia. *Youth*. 2023;3(1):285–299. DOI [10.3390/youth3010019](https://doi.org/10.3390/youth3010019).
37. Milosav Đ., Dickson Z., Hobolt S. B. [et al.] The youth gender gap in support for the far right. *Journal of European Public Policy*. 2025:1–25. DOI [10.1080/13501763.2025.2481181](https://doi.org/10.1080/13501763.2025.2481181).
38. Capelos T., Nield E., Salmela M. Narratives of success and failure in resentment: Assuming victimhood and transmuting frustration among young Korean men. *Social sciences*. 2023;12(5):259. DOI [10.3390/socsci12050259](https://doi.org/10.3390/socsci12050259).
39. Krasikov V. I. Online radicalization of youth: prerequisites and mechanisms. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2024(80):108–122. (In Russ.). DOI [10.17223/1998863X/80/10](https://doi.org/10.17223/1998863X/80/10).
40. Vinogradov M. Yu., Suslova A. A. The phenomenon of social apathy and its relevance in modern Russia. *Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics "Politeia"*. 2022;(4):123–145. (In Russ.). DOI [10.30570/2078-5089-2022-107-4-123-145](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-107-4-123-145).
41. Noelle-Neumann E. Öffentliche Meinung: Die Entdeckung der Schweigespirale. Moscow: Progress-Akademija, Ves' Mir; 1996. (In Russ.). ISBN 5-85864-035-4.

Received: 01.08.2025. Corrected: 02.09.2025. Accepted: 08.09.2025.

Author information:

Maya M. Rusakova, Candidate of Sociology, Associate professor,
Director of the Center for Applied Sociology,
St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia.
m.rusakova@spbu.ru
ORCID: [0000-0002-4597-2837](https://orcid.org/0000-0002-4597-2837)

Sergey Tkach, Leading Sociologist, Center for Applied Sociology,
St. Petersburg State University. St. Petersburg, Russia.
s.tkach@spbu.ru
ORCID: [0000-0001-5016-9187](https://orcid.org/0000-0001-5016-9187)